

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОЛЛЕГИАЛЬНОСТИ
РИМСКИХ МАГИСТРАТОВ¹**

В. В. Дементьева
(Ярославль)

Общепризнанно, что характерной чертой исполнительной власти Римской республики, в том виде как она оформилась к середине IV в. до н. э., была коллегиальность постоянных магистратов. Однако вопрос о времени возникновения самого принципа коллегиальности магистратской власти и о государственном органе, в котором он впервые реализовался в Риме, остается остро дискуссионным.

В 2001–2002 гг. появились новые публикации немецкого исследователя Роберта Бунзе, посвященные данной проблеме², которые и заставляют нас еще раз к ней обратиться. Рассмотрев ранний этап существования цензорской магистратуры, Р. Бунзе пришел к выводу, что, независимо от того, как датировать ее создание (согласно античной традиции, — 443 г. до н. э.), коллегиальность ее членов возникает только после 367 г. до н. э., вследствие законов Лициния-Секстия. Уделив внимание судебной претуре, созданной по этим законам, данный автор не обнаружил в ней действия принципа коллегиальности и после 242 г. до н. э. (появление второго преторского места). Данное утверждение было сформулировано как полемический ответ на признание коллегиальности преторов в изданной перед тем монографии итальянского автора Карлы Мази Дория³. В целом же, основополагающий тезис Р. Бунзе сводится к тому, что коллегиальность вообще не свойственна

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Античная государственность: политическая теория и правовые механизмы реализации власти» (УР-10.01.015), выполняемого при финансовой поддержке программы «Университеты России».

² BUNSE R. Die frühe Zensur und die Entstehung der Kollegialität // *Historia*. 2001. Bd 50. Hft 2. S. 145–162; IDEM. Die klassische Prätur und die Kollegialität (*par potestas*) // *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. R.A. 2002. Bd 119. S. 29–43.

³ DORIA C.M. *Spretum Imperium*. Napoli, 2000. P. 291, 320.

римской раннереспубликанской истории⁴.

Несколькими годами ранее, в опубликованной в 1998 г. книге «Римская высшая должность в ранней Республике и проблема “консульского трибуната”»⁵, главные положения которой мы уже подвергали анализу⁶, Р. Бунзе в главе, посвященной законам Лициния—Секстия⁷, выделил два параграфа «Возникновение коллегиальности» и «Коллегиальность и ее последствия», развивая в них тот же тезис об отсутствии коллегиальности римских магистратов до 367 г. до н. э. При этом он связывал появление коллегиальности с допуском плебеев к высшим должностям (тем самым понимая ее введение в качестве результата сословной борьбы), а также с новой структурой римского войска⁸. Основная идея монографии—о неисторичности такой должности как военные трибуны с консульской властью (*tribuni militum consulari potestate*)—непосредственно имеет следствием и вывод автора об отсутствии коллегиальности в первые полтора века существования республиканского устройства. Р. Бунзе полагает, что изначально, до законов Лициния—Секстия, во главе республиканского государства стояли три претора, один из которых (*praetor maximus*) имел приоритетные функции в управлении общиной. Сведения традиции о четырех- и шестиместном консульском трибунате объявляются ошибочными построениями римской анналистики, а информация источников о пяти, восьми и девятиместном консульском трибунате просто не рассматривается. Отметим попутно, что в новой основательной монографии Роберты Стюарт об органах публичной власти в раннем Риме не только признается историчность консульского трибуната, но и констатируется (что нам в данном случае особенно интересно) коллегиальность этой должности и даже подчеркивается, что коллегиальность была фундаментальной ее особенностью⁹. Точка зрения о первоначальной трехчленной магистратуре, приверженцем которой является Р. Бунзе, не нова в историографии,—у истоков данной теории стоял Гаетано Де Санктис¹⁰. Однако в работах Р. Бунзе эта гипотеза не подтверждается новой аргументацией,—все обстоит как раз наоборот: она постулируется как акси-

⁴ BUNSE R. Die frühe Zensur. S. 159.

⁵ BUNSE R. Das römische Oberamt in der frühen Republik und das Problem der „Konsulartribunen“. Trier, 1998 (Bochumer Altertumwissenschaftliches Colloquium. Bd 31).

⁶ См.: ДЕМЕНТЬЕВА В.В. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 9, 28 и др.

⁷ BUNSE R. Das römische Oberamt. S. 182–212.

⁸ Ibid. S. 186, 195.

⁹ STEWART R. Public Office in Early Rome. Ritual Procedure and Political Practice. The University of Michigan Press, 2000. P. 57.

¹⁰ DE SANCTIS G. Storia dei Romani. Firenze, 1956. P. 407.

ома и сама служит главным аргументом для доказательства всех прочих положений.

Естественно, что концепция, признающая в качестве первой при Республике трехчленную магистратуру с неравной должностной властью занимавших ее лиц, не является единственной или, тем более, общепризнанной. Так, в недавно опубликованной фундаментальной монографии о судебной претуре Кори Бреннан назвал гипотезу о трех преторах и близкие к ней построения «реконструкциями на грани фантазии»¹¹. Не поддержал К. Бреннан и гипотезу ординарной диктатуры как исходной республиканской формы исполнительной власти (*praetor maximus* как единоличный годичный диктатор)¹². Не нашла поддержки теория единоличной первоначальной магистратуры Республики и в другой недавней, изданной годом ранее книги К. Бреннана, монографии Э. Линтотта «Конституция Римской Республики»¹³. Рецензируя труд Линтотта, Вильфрид Ниппель написал, что автор явно скептически отнесся к существованию одноместной первоначальной высшей должности; сам же В. Ниппель, как это можно судить по его докладу о чрезвычайных полномочиях в Римской Республике, не возражает против утверждения о «двойном лидерстве» в ординарной магистратуре на первом этапе республиканской истории¹⁴.

Концепций, реконструирующих исполнительную власть первой фазы республиканского устройства в Риме, создано немало, основные из них мы уже представляли в своих работах¹⁵. Не повторяя ранее сказанное, отметим только в связи с интересующим нас в данный момент вопросом, что Теодор Моммзен выдвинул теорию, в соответствии с которой после изгнания царей в 509 г. до н. э. исполнительная власть в Риме была передана двум магистратам, которые первоначально назывались преторами, но впоследствии стали известны как консулы¹⁶. Эти ранние магистраты, по трактовке Т. Моммзена, имели изначально равную власть, то есть были подлинными коллегами. Тезис об осуществлении с самого начала Республики принципа коллегиальности

¹¹ BRENNAN C. *The Praetorship in the Roman Republic*. Oxford, 2000. Vol. 1. P. 23.

¹² *Ibid.* P. 20–23.

¹³ LINTOTT A. *The Constitution of the Roman Republic*. Oxford, 1999. P. 104.

¹⁴ NIPPEL W. *Emergency Powers in the Roman Republic* // *Les Cahiers du CREA*. 2000. P. 6.

¹⁵ См.: ДЕМЕНТЬЕВА В.В. Магистратура диктатора в ранней римской республике (V–III вв. до н. э.). Ярославль, 1996. С. 26–28; она же. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 6–9; она же. Римская магистратура военных трибунов. С. 8–11; она же. Закон о введении магистратуры диктатора в римскую конституцию // *Антиковедение и медиевистика*. Вып. 3. Ярославль, 2001. С. 30 сл.

¹⁶ MOMMSEN Th. *Römisches Staatsrecht*. 1887 (1952). Bd 2. 3. Aufl. S. 74, 79.

высшей магистратской власти был воспринят рядом известных исследователей, в том числе, Вольфгангом Кункелем, найдя выражение в его обобщающем обширном труде о римских магистратурах¹⁷. В русле этого тезиса, но с оригинальной трактовкой развития событий, выступил японский антиковед Рьюичи Хирата¹⁸, который предложил следующую схему. В 508 г. до н. э., согласно его датировке, был изгнан Тарквиний Суперб и введена республиканская система управления посредством нескольких преторов с одним *praetor maximus* во главе. Первым *praetor maximus* был Марк Гораций в 507 г. до н. э., а затем в 506 и 505 гг. до н. э. Спурий Ларций и Тит Герминий. Вероятно, как считает Р. Хирата, именно в 505 г. Рим был завоеван этрусским царем Порсенной, и введенная система управления была временно ликвидирована. В 504 г. до н. э. Порсенна после поражения покинул Рим; в 503 г. *praetor maximus* стал Марк Валерий, а в 502 г. до н. э. — Публий Постумий (или наоборот). И только с 501 г. до н. э. действовали два военных предводителя с идентичным империем. Это были два претора-коллеги, которые впоследствии получили название консулов. Таким образом, по мнению Р. Хираты, коллегиальность появляется в начале Республики, связана с магистратурой преторов (консулов), но датировать ее возникновение следует лет на восемь позднее, чем это делал Т. Моммзен (при этом в гипотезе японского исследователя нашлось место в качестве самостоятельного единоличного магистрата и для вызвавшего столько споров в литературе *praetor maximus*).

Мы уже формулировали свою позицию по вопросу о первой ординарной магистратуре Римской Республики¹⁹. Полагая исходной должностью постоянной исполнительной власти республиканского Рима претуру (название *praetores* мы считаем адекватным, так как античная традиция многократно оперирует этим термином, в том числе, что очень важно, при передаче текста законов XII таблиц²⁰), включавшую два должностных места, мы, в отличие от Т. Моммзена, утверждаем, что эти ранние преторы не были равноправными коллегами, ибо в их магистратуре существовала иерархия должностной власти. Поэтому мы не относим появление подлинной коллегиальности (в римском ее понимании) к первым годам или даже десятилетиям существования республиканского устройства. Но прежде чем мы изложим свой взгляд

¹⁷ KUNKEL W. Staatsordnung und Staatspraxis der Römischen Republik. 2. Abschnitt: Die Magistratur. München, 1995. S. 8–9.

¹⁸ HIRATA R. Die Entstehung der römischen Republik und ihre erste Magistratur // Kodai. Journal of Ancient History. 1992. Bd 2. S. 21–43.

¹⁹ См., напр.: ДЕМЕНТЬЕВА В.В. Римское республиканское междоусобице. С. 8 сл.; она же. Римская чрезвычайная власть эпохи ранней Республики как политико-правовой феномен // Исседон. 2002. Т. 1. С. 74 сл.

²⁰ Tab. III.5. (Gell. XX.1.47).

на ее возникновение, мы должны подробнее остановиться на содержании термина «коллегияльность» применительно к римской политической практике, ибо расхожие представления о том, что коллегияльность—это синоним понятию «неоднородность» магистратуры (более одного должностного места), представляются нам упрощенными и не вполне корректными, хотя в таком значении мы сами иногда этим термином пользовались.

Наличие в магистратуре нескольких должностных мест (свыше одного) является необходимым, но отнюдь не достаточным, условием для того, чтобы признать ее коллегияльной: если место одно, магистратура не может быть коллегияльной, но если их два или более, это не означает, что магистратура непременно коллегияльная в римском смысле этого слова. Римская коллегияльность—это *par potestas*, равная власть у лиц, занимавших в конкретный момент одну и ту же должность. Мы согласны с Йохеном Бляйкеном в том, что именно *par potestas* идентична римской коллегияльности²¹, хотя не поддерживаем его вывод, что «принцип коллегияльности был введен римлянами, по всей вероятности, в конце сословной борьбы (середина IV в. до н. э.), когда патриции должны были допустить плебеев к высшей должности»²². При этом мы тоже связываем возникновение коллегияльности с сословной борьбой, но этот успех плебеев по иному датируем, о чем и пойдет речь впереди. Представление же о том, что коллегияльность (в значении *par potestas*) возникает только после законов Лициния-Секстия впервые было предложено, судя по всему, в итальянской историографии и стало широко известным благодаря обобщающему труду об истории римской конституции Франческо Де Мартино²³. Одним из самых первых оппонентов этого утверждения был английский историк Стюарт Стэвели, считавший, что коллегияльность появляется с созданием цензорской магистратуры²⁴. Заметим еще, что истоки коллегияльных отношений римских магистратов исследователи иногда искали у этрусков.

Публично-правовое наполнение *par potestas*—это взаимное *ius intercessionis*, возможность наложить запрет на действие коллеги. Если в магистратуре имеется иерархия должностных лиц, если один может быть назван по отношению к другому *collega maior* или *collega minor*, и соответственно, право наложить вето действует односторонне—*co*

²¹ BLEICKEN J. Zum Begriff der römischen Amtsgewalt. *Auspicium-potestas-imperium*. Göttingen, 1981. S. 266, 295 u.a.

²² IDEM. *Die Verfassung der Römischen Republik*. 6. Aufl. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1993. S. 77.

²³ DE MARTINO F. *Storia della costituzione romana*. Seconda edizione. Napoli, 1972. Vol. 1. P. 234 sqq. Впервые труд Ф. Де Мартино увидел свет в 1958 г.

²⁴ STAVELEY E.S. *The Constitution of the Roman Republic* // *Historia*. 1956. Vol. 5. P. 99.

стороны старшего коллеги в отношении младшего, но не наоборот — то их власть не определяется как *par potestas*. Поэтому преторы, должность которых была введена по законам Лициния—Секстия, не объединены с консулами понятием *par potestas*, несмотря на известное выражение «*praetores consulum collegae sunt*» Марка Валерия Мессалы, переданное Авлом Геллием (Gell. XIII.15.4). Преторы по отношению к консулам «младшие коллеги», имевшие *imperium minus*²⁵.

Т. Моммзен рассматривал право интерцессии как ограничение полномочий магистратов, поскольку оно могло фактически парализовать их деятельность²⁶. Он отмечал также, что коллегиальность имела одной из своих сторон конкуренцию между магистратами, которая сдерживалась установлением приоритетности одного из них тремя способами: смена верховенства на каждом временном отрезке, жребий, совместная деятельность²⁷. Не будем забывать, что конкуренция магистратов могла преодолеваться также выделением специфической сферы занятий каждому должностному лицу (*provincia*).

Эрнст Херцог, также исходя из того, что коллегиальность — фактор, ограничивавший должностные действия магистрата, писал, что для магистратуры это негативное понятие, тогда как в других применениях она была позитивным явлением²⁸. Он имел в виду, что, например, в религиозной жизни (жреческие коллегии) или экономической (ремесленные коллегии) коллегиальность означала наличие некоего сообщества, товарищества, члены которого были объединены совместной практикой, тогда как магистраты действовали чаще всего индивидуально. По мнению Э. Херцога, после того, как ослабло воздействие интерцессии плебейских трибунов на магистратов, само собой получилось, что позитивная сторона их коллегиальности выступила на передний план: она позволяла частично поддерживать согласованность их мероприятий²⁹. Разумеется, оценки коллегиальности по принципу «негативный — позитивный» фактор являются относительными. То, что для магистрата было отрицательным моментом, ибо могло блокировать его решение, для общины в целом нередко могло иметь положительные последствия (хотя не исключена и возможность того, что парализованные мероприятия магистрата направлены были на благо общины). В любом случае, в принципиальном плане появление *par potestas* объективно было шагом вперед в развитии государственно-правовых отношений Римской Республики.

²⁵ RICHARD J.CL. Praetor kollega consulis est: Contribution a l'histoire de la praeture // *Revue de Philologie*. 1982. Vol. 56. P. 19–31.

²⁶ MOMMSEN TH. Op. cit. S. 35.

²⁷ Ibid. S. 36–37.

²⁸ HERZOG E. *Geschichte und System der römischen Staatsverfassung*. Neudruck der Ausgabe. Leipzig, 1884 (1965). Bd 1. Abt. 2. S. 582, 595–596.

²⁹ Ibid. S. 606–607.

Природа магистратской коллегиальности не требовала коллегиального волеизъявления (действия в унисон, по выражению Э. Линтотта³⁰) относительно принимаемых решений, она не включала в себя обязательность совещаний для их вынесения; она требовала только молчаливого согласия каждого с действиями других. Как отмечал Ульрих фон Любтов, коллегиальность римских магистратов не означала вынесение постановлений единогласным голосованием или большинством голосов³¹. Этот вид коллегиальности, по мнению У. фон Любтова, основывался на тенденции, направленной на предотвращение единовластного господства. Не возражая против того, что *par potestas* очевидным образом появилась в результате отказа от приоритетности функций одного человека в сфере исполнительной власти, отметим, что, на наш взгляд, сама специфика коллегиальности в ней несет на себе «печать» недавнего единовластия. Ведь коллегиальность в значении возможности блокировать действия товарища по должности, но не в значении необходимости предварительно обсудить с ним эти действия, подразумевает косвенное признание права одного определять политическую стратегию и тактику. Римская республиканская исполнительная власть «выросла» из единоначалия, сохранив его «наследственные» черты, в том числе и своеобразие коллегиальности. «Решение большинством голосов» в магистратуре из двух человек, да и в магистратуре с любым четным числом лиц, вообще было бы проблематичным, и четность мест означает отсутствие стремления у римлян использовать в данном случае этот «принцип большинства». Мы соглашаемся с Р. Бунзе, что *par potestas* была средством внутреннего контроля в органах государственного управления Рима³², но не можем поддержать его утверждение о том, что она имела только внутривнутриполитический смысл и не была направлена в область внешней политики, в военную сферу. (Это утверждение призвано подкрепить его вывод о том, что появление второго претора не могло повлечь за собой возникновение коллегиальности, так как его введение было мотивированно внешнеполитически, прежде всего в военном отношении). Нам представляется, что после своего появления *par potestas* стала принципиальной, сущностной чертой магистратской власти, реализуемой на гражданском, военном и судебном поприще. Другое дело, что в военной сфере на одном и том же театре военных действий высшие коллегиальные магистраты попеременно (по соглашению или жребию) находились в роли держателей фасок, олицетворявших империй, что на практике означало право верховного командования с вытекающими отсюда последствиями военной субординации, не предполагавшей оспаривание действий пол-

³⁰ LINTOTT A. Op. cit. P. 99.

³¹ VON LÜBTOV U. Potestas // RE. 1953. Bd 22. 1. Sp. 1041.

³² BUNSE R. Die klassische Prätur: 42.

ководца его подчиненными. Но в этом мы тоже усматриваем проявление специфики магистратской коллегиальности: один из двух членов коллегии соглашается на действия другого, давая ему возможность единолично принять решение (при отсутствии добровольной уступки подчиняется божественной воле, выраженной посредством жребия). Исходя из вышесказанного, мы разделяем мнение Иоханнеса Михаэля Райнера, что «принцип коллегиальности должен был выкристаллизироваться в один из самых существенных в сфере магистратур»³³.

Обратимся теперь непосредственно к вопросу о времени возникновения римской коллегиальности. Мы уже отметили, что рассматриваем первую ординарную республиканскую магистратуру в качестве двухместной должности (претуры), которой не свойственна *par potestas*. Вместе с тем, мы не считаем главным вопросом при определении времени возникновения магистратской коллегиальности вопрос о наличии таковой в цензуре, созданной в 443 г. до н. э. и тем более в судебной претуре III в. до н. э. Ибо независимо от того, была ли присуща изначально коллегиальность цензорской должности, она была свойственна магистратуре военных трибунов с консульской властью, введенной в римскую конституцию годом раньше, в 444 г. до н. э. Не сомневаясь в историчности этой должности, мы уже подробно в специальной монографии дали характеристику ее черт, ни одна из которых не противоречит понятию *par potestas*, а многие, наоборот, ее подтверждают. В том числе, и включение в ее состав плебеев уже в первый год ее функционирования³⁴. Мы вынуждены здесь подчеркнуть, что обосновывали появление плебея (Луция Атилия) в консульском трибунате уже в 444 г. до н. э., поскольку Я. В. Мельничук со ссылкой на нашу работу (!) пишет «Первым плебеем, выбранным военным консулярным трибуном, стал Публий Лициний в 400 г. (Liv. V.12.9): этот промежуток в 45 лет между теоретической возможностью и практическим применением закона говорит о том упорстве патрициев, с которым столкнулись плебеи в первый век борьбы за свои политические права»³⁵. Именно после этой фразы поставлена ссылка на нашу работу, в которой мы утверждали диаметрально противоположное! Здесь нам приходится добавить, что Я. В. Мельничук вообще нередко искажает смысл написанного и сказанного нами, в частности, отметим, — поскольку данная статья публикуется в альманахе «Исседон», — что в первом томе этого издания данный автор написал (примечательно, что не в самом тексте статьи, а в

³³ REINER J.M. Einführung in das römische Staatsrecht: die Anfänge und die Republik. Darmstadt, 1997. S. 43.

³⁴ ДЕМЕНТЬЕВА В.В. Римская магистратура военных трибунов. С. 139 слл.

³⁵ Мельничук Я.В. Цензура в социально-политической жизни римлян (до объединения Италии) // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира МГУ. № IV. С. 120, 124.

резюме на английском языке к ней), будто бы в нашем докладе в июне 2001 г. наличие ауспиций у цензоров «отрицалось в принципе»³⁶. Это вынуждает нас, делая небольшое отступление, отметить, что мы усматриваем в процитированном Я.В. Мельничуком в названной статье фрагменте Авла Геллия указание на ауспиции «для цензоров», т. е. проводимых при их избрании (весь фрагмент посвящен избирательной процедуре), а не «у цензоров». И утверждали мы в том докладе только то, что не рассматриваем данный фрагмент аргументом в пользу наличия у цензоров ауспиций, поскольку не так переводим его и иначе понимаем его смысл³⁷. А были ли ауспиции у цензоров или нет,—это

³⁶ Мельничук Я.В. Ауспиции римских цензоров // Исседон. 2002. Т. 1. С. 89.

³⁷ Извлечение из того доклада: «Однако вдумавшись в текст фрагмента сочинения Авла Геллия «*Patriciorum auspicia in duas sunt diuisa potestates. Maxima sunt consulum, praetorum, censorum. Neque tamen eorum omnium inter se eadem aut eiusdem potestatis, ideo quod conlegae non sunt censores consulum aut praetorum, praetores consulum sunt*». (Эта цитата и дальнейший анализировавшийся текст Геллия на языке оригинала были розданы слушателем, которые могли контролировать его толкование—В.Д.). Обычно понимается, что Геллий, со ссылкой на Мессалу, фиксирует «большие» (великие) ауспиции, *auspicia maxima*, не только у консулов и преторов, но и у цензоров. В том значении, что они их совершают. Я сама так трактовала в книге по республиканскому междуцарствию: «патрицианские ауспиции разделены по значению надвое: большие у консулов, преторов, цензоров ... у остальных магистратов меньшие ауспиции ...» (Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие. С. 60). Внимательно же глядя на него теперь, я вижу, что речь идет об ауспициях, которые совершаются перед избранием магистратов, поскольку весь контекст фрагмента относится к выборам магистратов, а не к реализации ими своих полномочий. Поэтому я полагаю, что следует понимать в этой ключевой фразе ауспиции не у таких-то магистратов, а для таких-то магистратов (при их избрании): самые большие *для (не у!)* консулов, преторов, цензоров. Естественно, что перед голосованием проводили ауспиции для всех кандидатов на любую должность исполнительной власти, в том числе и для цензоров (и даже для низших магистратов). Аргументами в пользу того, что речь идет именно об избирательной процедуре (и об ауспициях по данному, избирательному, поводу) являются следующие уточнения в тексте Геллия: «Претор, хотя он является коллегой консула, не имеет права предлагать для избрания (*rogare*) ни претора, ни консула ... Потому что претор имеет меньший империй, а консул имеет больший; и от меньшего империя больший или старшего коллегу [от младшего] предлагать для избрания права не имеет». «Цензоры, равным образом, не по одному ауспицию с консулами и преторами рогируются (предлагаются к избранию)». И следующая фраза поэтому *Reliquorum magistratum minora sunt auspicia*, которую я всегда переводила «у остальных магистратов меньшие ауспиции», должна пониматься: «Для остальных магистратов—меньшие ауспиции». Тем более, что дальше речь опять

пусть доказывают те, кто специально данной проблемой занимается (путем ли логических построений, нахождением ли соответствующей информации в источниках),—в нашу задачу это не входило. Мы можем осмыслить предложенную аргументацию, находя в ней сильные или слабые места, соглашаться или нет. Но если не соглашаться, то приводить контрдоводы, как в рассмотренном случае; мы считаем неприемлемыми методы ведения полемики Я.В. Мельничуком, который в той же статье в «Исседоне», не приведя ни одного (!) аргумента против, голословно и небрежно замечает: «Точка зрения В.В. Дементьевой о наличии у ТМCR формального права на триумф не представляется достаточно обоснованной»³⁸. А мы, между тем, представили развернутую систему доказательств этого положения³⁹, и можно было бы найти конкретные «слабости обоснования», дабы обсуждение было предметным. Наличие у военных трибунов с консульской властью права на триумф, которое мы отстаиваем, доказывая «полноценность» их империя, имеет также прямое отношение к констатации у этих магистратов подлинной коллегиальности: и патрицианских, и плебейских консульских трибунов объединяла, по нашему мнению, *par potestas*. И всех консульских (консулярных) трибунов мы рассматриваем как носителей *auspicia maxima*, с чем не согласен Я.В. Мельничук, приводящий в качестве аргументации своего несогласия следующие слова: «В противном случае не ясно, зачем плебеи так активно добивались доступа к консулату (что мешало им реализовать свои стремления в рамках магистратуры ТМCR, предполагавшей равные с консулам полномочия?)...»⁴⁰. Но, позвольте, объяснению этого «зачем» мы посвятили целую книгу в двести страниц, которую вроде бы оппонент читал, и в которой подчеркивали следующее: плебеи, став консульскими трибунами, получили доступ к высшей чрезвычайной власти, а доступа в консулат добивались затем, чтобы быть причастными к высшей посто-

идет об избирательной процедуре, а не о чем-то другом. «По этой причине эти младшими (*minores*), а те старшими (*maiores*) магистратами называются. Младших магистратов избирают на трибутных комициях, но по обычаю (наверное, лучше перевести—для законности) дается куриатный закон; старшие магистраты избираются на центуриатных комициях». Соответственно в нашем сегодняшнем понимании и смысл последующей фразы: «Имеющими большие ауспиции называются те, для которых совершаются более действенные ауспиции, чем для других» (а не те, *которыми* совершаются более действенные ауспиции)».

³⁸ Мельничук Я.В. Ауспиции. С. 81.

³⁹ Дементьева В.В. Римская магистратура военных трибунов. С. 104–107; она же. Объем полномочий римских консулярных военных трибунов // ВДИ. 2000. № 4. С. 47–50.

⁴⁰ Мельничук Я.В. Ауспиции. С. 81.

янной власти (что было для учета их интересов в государственной политике более важным). Если оппонент не согласен с таким выводом, он должен это отметить и написать, почему именно не согласен, а не ставить в качестве риторического тот вопрос, на который есть иной развернутый (устраивающий или не устраивающий его) ответ. Для нас совершенно очевидно, что без «великих ауспиций» военные трибуны с консульской властью не мог ли бы, например, ни проводить военные сражения, ни назначать диктатора. Что же касается соотношения понятий *par potestas* и *auspicia*, то у настоящих коллег по магистратуре неизбежно должны были быть равные ауспиции (или одинаковое отсутствие таковых), «больших» или «меньших» ауспиций при этом у занимавших одну и ту же должность лиц быть не могло.

Итак, мы рассматриваем консульских военных трибунов на всем протяжении существования их должности (444–367 гг. до н. э.) в качестве коллегиальных магистратов. Но пальму первенства в этом отношении им мы не отдаем. С нашей точки зрения, первой магистратурой, которой была свойственна коллегиальность в значении *par potestas*, стал в Риме децемвират (451–449 гг. до н. э.).

Аргументируем эту позицию, обратившись к вопросу о том, осуществлялось ли у децемвиров право коллегиальной интерцессии (*ius intercessionis*). Ливий констатирует коллегиальную интерцессию для первых децемвиров, указывая, что вторые децемвиры в какой-то момент ликвидировали право взаимного обжалования (Liv. III.36.6)⁴¹. О действии интерцессии в период правления децемвиров сообщает также Дионисий Галикарнасский (Dionys. X.59.60). Свидетельством в пользу существования *intercessio* для децемвиров может служить и то обстоятельство, что держатель фасок из их числа (*praefectus decemviro- rum, princeps inter decemviros*) имел в своем сопровождении 12 ликторов, как консул, а не 24, как диктатор, хотя подобно диктатору децемвир был чрезвычайным магистратом без провокации. Детальные наблюдения над механизмом реализации полномочий высшей власти и символизирующими ее атрибутами убеждают нас в том, что количество ликторов у высшего должностного лица зависело не от характера (экстраординарного или ординарного) его магистратуры, не от подчинения его праву провокации, не от срока полномочий, а от наличия

⁴¹ *Nam praeterquam quod in populo nihil erat praesidii sublata provocatione, intercessionem quoque consensu sustulerant, cum priores decemviri appellatione collegae corrigi reddita ab se iura tulissent et quaedam, quae sui iudicii videri possent, ad populum reiecissent.*—«Дело в том, что кроме устранения защиты у народа путем отмены провокации, и интерцессия была единогласно упразднена, в то время как первые децемвиры апелляциям коллег исправляли свои судебные постановления, или передавали народу дела, казалось бы, подлежащие их суду».

или отсутствия коллег. Поэтому двенадцать ликторов у держателя фасок из числа децемвиров мы считаем аргументом в пользу того, что он был носителем коллегиальных полномочий. Несоблюдение вторыми децемвирами этого правила должно быть расценено как конституционное нарушение в числе других, совершенных ими и направленных на узурпацию власти. Таким образом, у нас нет сомнений, что децемвиры были подвержены коллегиальной интерцессии до тех пор, пока сами ею не пренебрегли, пока не стали попираť государственно-правовые нормы функционирования высшей магистратуры.

Возвращаясь к работам Р. Бунзе, заставившим нас снова обратиться к проблеме о том, в какой римской магистратуре впервые был применен на практике принцип коллегиальности, зададимся вопросом, почему же этот автор полностью проигнорировал децемвиров? Ответ на него предельно прост: Р. Бунзе гиперкритически (при этом без конкретной критики информации нарративной традиции) считает, что нет необходимости перенимать античный взгляд на децемвират⁴². Он лишь на уровне умозрительного рассуждения полагает, что едва ли можно представить более чем двухгодичное нахождение у власти двух коллегий децемвиров, и заключает, что второй децемвират по всей вероятности, неисторичен. Мы уже имели возможность изложить результаты нашего осмысления сведений источников о количестве коллегий децемвиров⁴³; мы отмечали, что противоречие в свидетельствах античных авторов об этом является мнимым, иллюзорным. Поэтому здесь скажем только: довольно странно принимать сведения традиции о первом децемвирате и отрицать их достоверность о втором. Но дело заключается в том, что отрицать вообще децемвират невозможно, (иначе, кто тогда составил законы XII таблиц?), хотя гиперкритикам хотелось бы очень сделать и это. Но так как децемвиры «мешают» многим их теоретическим построениям, то они «вычеркивают» из римской истории хотя бы вторую коллегию десяти законодателей. Мы же, признавая историчность второго децемвирата, обратим пристальное внимание на его состав, ибо он тоже проливает свет на выяснение вопроса о коллегиальности магистратуры десяти мужей.

Консульские фасты называют следующие имена: Ap. Claudius Crassus Inrigilensis Sabinus, M. Cornelius Ser. Maluginesis, L. Sergius Esquilinus, L. Minucius Esquilinus Augurinus, T. Antonius Merenda, Q. Fabius Vibulanus, Q. Poetelius Libo. Visolus, K. Duilius Longus, Sp. Oppius Cornicen, M. Rabuleius (CIL. Vol. 1. P. 16). Весьма близок к фастам список

⁴² BUNSE R. Das römische Oberamt. S. 72.

⁴³ ДЕМЕНТЬЕВА В.В. Конституционные основы существования децемвирата // IVS ANTIQVVM. 2001. № 1(8). С. 43–47; она же. Источниковая база исторической реконструкции римской магистратуры децемвиров // Антиковедение и медиевистика. Ярославль, 2002. Вып. 4. С. 23 слл.

Ливия, расходящийся только в личном имени Сергия (не Луций, как в фастах, а Марк) и отсутствием cognomen у некоторых лиц: creati cum eo M. Cornelius Maluginensis, M. Sergius, L. Minucius, Q. Fabius Vibulanus, Q. Poetelius T. Antonius Merenda, K. Duillius, Sp. Oppius Cornicen, M'. Rabuleius (Liv. III.35.11).

Дионисий Галикарнасский отмечает, что Аппий Клавдий был руководителем второй коллегии децемвиров—*ὁ τῆς τότε δεκαδαρχίας ἡγεμὼν Ἀππίος*,—а список остальных ее членов выглядит в его изложении так: *σὺν δ' αὐτῷ Κόιντος μὲν Φάβιος ὁ καλούμενος Οὐιβολανὸς ὁ τρεῖς ὑπατεύσας, ἀνὴρ ἀνεπίληπτος εἰς τὸδε χρόνον γενόμενος περὶ πᾶσαν ἀρετὴν· ἐκ δὲ τῶν ἄλλων πατρικίων, οὓς ἐκεῖνος ἡσπάζετο, <Μάρκος Κορνήλιος καὶ> Μάρκος Σέργιος καὶ Λεύκιος Μηνύκιος καὶ Τίτος Ἀντώνιος καὶ Μάνιος Ῥαβόληιος, ἄνδρες οὐ πάνυ ἐπιφανεῖς· ἐκ δὲ τῶν δημοτικῶν Κόιντος Ποιτέλλιος καὶ Καίσιων Δουέλλιος καὶ Σπόριος Ὀππίος* (Dionys. Ant. Rom. X.58). Следовательно, Дионисий называет Квинта Фабия Вибулана, Марка Корнелия, Марка Сергия, Луция Минуция, Тита Антония, Мания Рабулея, Квинта Петелия, Цезона Дуиллия и Спурия Оппия. Правда, имя М. Корнелий есть лишь результат реставрации текста палеографами. Список Дионисия совпадает со списком Ливия, с той лишь разницей, что опущены прозвища Малугинский у М. Корнелия, Меренда у Т. Антония, Корницен у Сп. Оппия. В личном имени Сергия перечень Дионисия не совпадает с консульскими фастами (так же как и список Ливия).

Диодор сообщает только семь имен, отметив, что опять были избраны десять законодателей: *Ῥωμαῖοι πάλιν δέκα ἄνδρας νομοθέτας εἶλοντο, Ἀππίον Κλώδιον, Μάρκον Κορνήλιον, Λεύκιον Μινύκιον, Γάιον Σέργιον, Κόιντον Πόπλιον, Μάνιον Ῥαβόληιον, Σπόριον Οὐετούριον* (Diod. XII.24). То есть, у Диодора мы встречаем в качестве вторых децемвиров Аппия Клавдия, Марка Корнелия, Луция Минуция, Гая Сергия, Квинта Петелия (хотя написание Πόπλιος весьма отдаленно напоминает Петелия, можно понять скорее как Попилий,—все таки у Дионисия он дан в более приближенном к латинскому начертанию и произношению варианте Ποιτέλλιος), Мания Рабулея и Спурия Ветурия. Из них совпадение наблюдается с Ливием, фастами и Дионисием в указаниях на Аппия Клавдия, Марка Корнелия, Луция Минуция, Квинта Петелия и Мания Рабулея. Praenomen Сергия в данном случае—Гай (а не Луций, как в фастах, и не Марк, как у Ливия и Дионисия). Квинт Фабий, Тит Антоний, Спурий Оппий и Цезон Дуиллий у Диодора отсутствуют, но фигурирует не встречающийся ни в одном другом перечне вторых децемвиров Спурий Ветурий.

Об Аппии Клавдии упоминают в связи с историей о Вергинии, а следовательно как участнике второго децемвирата, и другие античные авторы—Асконий Педиан (Ascon. Pro Cornel. 68 sq.), Валерий Максим (Val. Max. VI.1.2), Гай Светоний Транквилл, правда, без личного имени

Клавдия (Suet. *Tib.* 2.2), Луций Анний Флор (Flor. *Epit.* I.17.24), Помпоний (Dig. I.2.2.24), Евтропий (Eutrop. I.18), Аврелий Виктор (Aurel. Vict. *De vir. ill.* 21.1), Евсевий (Euseb. *Chron.* 194 F), Павел Орозий (Oros. *Adv. pag.* II.13).

Принимая во внимание расхождения в показаниях источников о составе второго децемвирата и суммируя их свидетельства, выстроим необходимый ряд из десяти имен. Начнем его с Аппия Клавдия, — сведения источников о нем многочисленны, корректны и непротиворечивы. Не вызывают сомнений и отмеченные в четырех главных для нас текстах (в фастах, у Ливия, Дионисия и Диодора) без расхождений в родовых и личных именах такие фигуры, как Марк Корнелий, Луций Минуций и Маний Рабулей. Имя Квинта Петелия сомнительно только в передаче Диодора, но с поправкой на искажение при греческой транслитерации и нередко встречающуюся небрежность при воспроизведении римских имен у этого автора (или переписчиков его труда), примем и его как достоверное. Квинт Фабий, Цезон Дуиллий, Тит Антоний Меренда и Спурий Опий коррелируют в передаче фаст, Ливия и Дионисия, поэтому их отсутствие у Диодора не мешает нам считать их реальными деятелями второго децемвирата. Не вызывает особых сомнений представительство во второй коллегии рода Сергиев, ибо все четыре основных информационных блока это подтверждают, не стыкуясь лишь в личном имени, предлагая варианты Луций (фасты), Марк (Ливий и Дионисий), Гай (Диодор). Самым ненадежным из них, на наш взгляд, следует считать имя Гай, не только из-за репутации Диодора в отношении передачи имен, но и из-за того, что Гай Сергий как видный политик в ближайшие к децемвирату десятилетия не прослеживается. Тогда как Луций Сергий был не менее пяти раз носителем империя в 30–20 гг. V в. до н. э., а Марк Сергий отмечен не менее двух раз на вершине исполнительной власти в конце этого века. Мы склонны отождествить Сергия-децемвира с Луцием Сергием, консулом 437 и 429 гг. до н. э., консульским трибуном 433, 424, 418 г. до н. э. (Liv. IV.17.7; 25.2; 30.5; 35.4; 45.5; 46.5), ибо хронологически это сравнительно близко ко времени децемвирата. Прозвище Луция Сергия-консула у Ливия значится как Фиденат, но его он получил после занятия консульской магистратуры (Liv. IV.17.7). Конечно, «большинство голосов» античной традиции отдано в пользу Марка Сергия, это имя, хотя и под вопросом, чаще называют в историографии⁴⁴, но высказанные соображения, а также то обстоятельство, что консульские фасты отражают официально принятые представления об именах и последовательности высших должностных лиц, заставляют нас предпочесть при ре-

⁴⁴ BROUGHTON T.R.S., PATTERSON M.L. The magistrates of the Roman Republic. 1951. Vol. 1; Scholars Press reprint, 1986. Vol. 1. P. 46; WERNER R. Der Beginn der römischen Republik. München - Wien, 1963. S. 281, 283.

конструкции списка вторых децемвиров личное имя Сергия как Луций, что, впрочем, мы делаем без особой уверенности. Но для определения сословного представительства выбор любого варианта граепомеи Сергия не является принципиальным. Из всех предложенных источниками имен осталось обсудить последнее—Спурий Ветурий, фигурирующий в сочинении Диодора. Поскольку, с одной стороны, кроме этого античного писателя оно при перечислении вторых децемвиров нигде больше не содержится, а, с другой стороны, прямо повторяет и личное, и родовое имя участника первого децемвирата, то возникает следующее предположение. Также как Диодор (или его первоисточник) перенес из второго децемвирата в первый Минуция, он ошибочно переместил из первого во второй Ветурия, заменив им к тому же другого Спурия,—Оппия (что усматривал до нас и Герхард Перль⁴⁵). Исходя из этих соображений, мы не включаем в воссоздаваемый список вторых децемвиров имя Ветурия.

Определившись со списком второго децемвирата в нашей исторической реконструкции, проведем анализ сословного представительства в нем. О.В. Сидорович считает, что «вряд ли стоит делать упор на проблему сословной принадлежности в том виде, в каком она подана античной традицией, т. е. разделять роды по принципу принадлежности к патрицианским или плебейским, используя для этой цели факты занятия их представителями магистратских мест»⁴⁶, призывая обратить внимание на роды, причастные и не причастные к властным структурам в предшествующий период. При этом, правда, остается не понятным, причастность к каким структурам она предлагает определить, ибо, упоминание имени Рабулей среди плебейских трибунов, она рассматривает «не как свидетельство плебейского статуса Рабулеев, а как их причастность к властным структурам»; делая же вывод о стремлении «демократизировать новую магистратуру», она указывает на то, что шесть членов второго децемвирата принадлежали к родам «не занимавшим магистратуру с империем в предшествующий период»⁴⁷. Занимать магистратуру с империем и должность плебейского трибуна—это настолько разная причастность к властным структурам, что определять «причастных» и «непричастных» в такой совокупности смысла не имеет. Очевидным образом надо вычленять держателей империя, а для этого, как мы думаем, в первую очередь и необходимо определиться с плебейскими именами во втором децемвирате, ибо плебеи не обладали до него высшей магистратской властью (гипотеза об изначаль-

⁴⁵ PERL G. Kritische Untersuchungen zu Diodors Römischer Jahrzahlung. Berlin, 1957. S. 57.

⁴⁶ Сидорович О.В. Децемвират в истории архаического Рима // Древность и средневековые Европы. Пермь, 2002. С. 22 сл.

⁴⁷ Там же. С. 23.

ном представительстве плебеев в высшей магистратуре уже достаточно давно, после ее развернутой критики со стороны С. Стэвели, не пользуется в историографии сколько-нибудь заметной поддержкой).

На пропорцию сословного представительства специально обращает внимание Дионисий, относя троих (Квинта Петелия, Цезона Дуиллия и Спурия Оппия) к плебеям: *ἄνδρες οὐ πάντ' ἐπιφανεῖς· ἐκ δὲ τῶν δημοτικῶν Κόιντος Ποιτέλλιος καὶ Καίσιων Δουέλλιος καὶ Σπόριος Ὀππίος* (Dionys. X.58). В том, что действительно названы члены плебейских родов, сомнения не возникают. Петелии, Дуиллии, Оппии хорошо известны как плебейские трибуны, в том числе все они представлены в плебейском трибунате V в. до н. э. и отсутствуют в высшей магистратуре до середины этого века. Плебейское происхождение Петелия, Дуиллия, Оппия практически невозможно оспорить. Также невозможно оспорить принадлежность к патрициату таких политиков у из коллегии вторых децемвиров как Аппий Клавдий, Марк Корнелий, Квинт Фабий, Луций (или Марк) Сергий. Здесь настолько все очевидно, что не требует никаких комментариев. Остаются Луций Минуций, Маний Рабулей, Тит Антоний Меренда. Род Минуциев имел и патрицианскую, и плебейскую ветви. Поскольку, судя по всему, тот же самый политический деятель был консулом 458 г. до н. э. (CIL Vol. 1. P. 16; Liv. III.25.1; VIII.33.14), то мы не сомневаемся в его принадлежности к патрицианской ветви. Поэтому Луцием Минуцием мы пополняем патрицианскую часть второго децемвирата, вопреки тому, что его нередко рассматривают в качестве плебея⁴⁸. Родовое имя Рабулей встречается в источниках, кроме изучаемого случая, еще только один раз — носителем его был плебейский трибун 486 г. до н. э. (Dionys. Ant. Rom. VIII.72). Никаких других должностных лиц этот род не дал, и с абсолютной уверенностью может быть назван плебейским. Тит Антоний Меренда — представитель рода Антониев, который в период классической республики принадлежал к числу самых известных плебейских родов. Хотя Джон Пинсент утверждал, что ранние Антонии были «изобретены» Кальпурнием Пизоном, от которого позаимствованы Лицинием Макром, а через него и Ливием⁴⁹, мы не поддерживаем его гипотезу, целиком основывающуюся на недоверии античной традиции. К тому же, велика вероятность, что Тит Антоний был отцом Квинта Антония Меренды, консульского военного трибуна 422 г. до н. э. (CIL. Vol. 1. P. 17; Liv. IV.42.2), плебейский статус которого признается исто-

⁴⁸ TÄUBLER E. Untersuchungen zur Geschichte des Dezemvirats und der Zwölftafeln. Berlin, 1921. S. 103; HEURGON J. The Rise of the Rome to 264 B C. London, 1969. P. 171.

⁴⁹ PINSENT J. Military tribunes and Plebeian consuls: The Fasti from 444 to 342 // Historia. 1975. Bd 24. P. 42 sq.

риками⁵⁰.

Таким образом, во втором децемвирате, по нашему мнению, пять должностных мест были заняты плебеями: Квинтом Петелием, Цезоном Дуиллием, Спурием Оппием, Манием Рабулеем и Титом Антонием Мерендой. Следовательно, наш вывод отличается от тезиса тех исследователей, которые находили в его составе шесть плебеев⁵¹, от тех, кто усматривал в нем только троих их представителей⁵², или насчитывал примерно два-три плебея⁵³. В большинстве случаев антиковеды, упоминая о сословном составе второй коллегии децемвиров, пишут не слишком определенно, что «часть ее была плебейской»⁵⁴, что она «была смешанной»⁵⁵ или «включала несколько плебеев»⁵⁶.

Впервые предположение о пяти плебейских магистратах во втором децемвирате высказал Бартольд Нибур⁵⁷. Он, приняв информацию Дионисия о трех плебеях, не выяснял, кто еще мог представлять это сословие во второй коллегии, но на уровне логического построения допустил, что патрициев и плебеев было в ней поровну. При этом Нибур исходил из представления о децемвирате как постоянном органе власти, совмещившем в себе патрицианскую магистратуру с империем и плебейский трибунат. Поэтому паритет сословного представительства выглядел для него в рамках такой гипотезы естественным. Отсутствие плебеев в первой коллегии сторонники подхода Нибура в ответ на критику его взглядов объясняли первоочередной потребностью на первом году существования децемвирата в составлении законов, знаниями которых обладали только патриции⁵⁸. После Нибура в некоторых работах сохранилась тенденция указывать без аргументации, что второй децемвират «был частично, возможно наполовину, плебейским»⁵⁹. В проти-

⁵⁰ RIDLY R.T. The «Consular Tribune»: The Testimony of Livy // *Klio. Beiträge zur Alten Geschichte*. 1986. Bd 68. Hft 1. S. 450; OGILVIE R.M. A Commentary on Livy. Books 1–5. Oxford, 1965. P. 540; STAVELEY E.S. The Significance of the Consular tribunate // *JRS*. 1953. Vol. 43. P. 34.

⁵¹ HEURGON J. Op. cit. P. 171.

⁵² MADVIG J. *Verfassung und Verwaltung des römischen Staates*. Leipzig, 1881. S. 499.

⁵³ НЕТУШИЛ И.В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Харьков, 1894. С. 169.

⁵⁴ АББОТ F.F. A history and description of Roman political institutions. 3. Ed. New York, 1963. P. 30.

⁵⁵ VOGT M. XII Tafeln. Leipzig, 1883. S. 5.

⁵⁶ CORNELL T.J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). London and New-York, 1995. P. 272.

⁵⁷ НЕБУHR В. *Römische Geschichte*. Berlin, 1853. S. 537–539.

⁵⁸ ГЕРЬЕ В.И. История Рима. Республиканский период. Б. м., 1889. С. 127. (Новое издание: ГЕРЬЕ В.И. История римского народа. М., 2002. С. 99 сл.).

воположность такому подходу не прекращались и попытки опровергнуть сведения античной традиции о сословной неоднородности второго децемвирата и доказать невозможность участия в нем плебеев. Все они так или иначе заканчивались вообще отрицанием историчности второй коллегии децемвиров. Р. Вернер предложил для этой единственной, на его взгляд, коллегии общий список, идя в своей реконструкции по пути отбрасывания плебейских имен⁶⁰.

Мы же, придя к выводу о паритетном представительстве сословий во второй коллегии децемвиров, тем не менее, не становимся на точку зрения Б. Нибура об ординарном характере децемвирата. В соответствии с нашим моделированием ситуации середины V в. до н. э., плебеи получили доступ впервые именно к чрезвычайной власти, получив в качестве уступки возможность быть избранными на высшую должность с империем, но пока только в экстраординарных обстоятельствах, эпизодически. Проникновение плебеев в высшую исполнительную власть началось, в соответствии с нашей концепцией, со структур чрезвычайной власти, а именно—с децемвирата. Децемвиры, вышедшие из родов Петелиев, Дуиллиев, Рабулеев, Оппиев и Антониев, были первыми плебейскими политическими деятелями, которые «восседали на курульном кресле рядом с патрицианскими коллегами, руководили заседаниями сената и вели римские легионы»⁶¹. Одновременно это означает, что плебеи, будучи членами магистратуры децемвиров, были наделены и правом в полном объеме проводить общественные ауспиции (*auspicia maxima*).

Мы отдаем себе отчет в том, что для Р. Бунзе наши аргументы об участии плебеев во втором децемвирате никакого значения иметь не будут: он априорно убежден, что до 367 г. до н. э. плебеи в принципе не могли занимать высшие магистратуры⁶². Наши доказательства адресованы тем, кто может сопоставить обоснованность гиперкритического и рационально-критического подходов к античной традиции, кто не поддерживает взгляда на второй децемвират как на беспочвенную выдумку.

Паритетное сословное представительство во второй коллегии децемвиров, которое мы констатировали, соответствует важнейшему положению теоретической модели коллегиальности римских магистратов, в том виде, как она разработана в историографии двух последних веков: коллегиальность магистратов возникает с допуском плебеев к

⁵⁹ HERZOG E. *Geschichte und System*: 178. См. также: KÜBLER B. *Decemviri* // RE. 1901. Bd 4. S. 2259.

⁶⁰ WERNER R. *Op. cit.* S. 283.

⁶¹ IHNE W. *Römische Geschichte*. Leipzig, 1893. S. 185.

⁶² BUNSE R. *Das römische Oberamt*. S. 134–152.

В. В. Дементьева

высшей должности, она есть результат сословной борьбы. Хотя в первой коллегии децемвиров плебеи оказались не представленными, важен сам факт допуска плебеев к избранию в этот орган высшей исполнительной власти, принципиально само право баллотироваться в высшую магистратуру, которое оказалось реализованным не в первый, а во второй год ее существования.

Итак, мы считаем что римская магистратская коллегиальность (*par potestas*), главным государственно-правовым содержанием которой было *ius intercessionis*, а необходимой предпосылкой разрешение плебеям занимать должности с империем, возникает в Риме в 451 г. до н. э., и ее появление связано с чрезвычайной магистратурой *decemviri consulari imperio legibus scribundis*. После своего возникновения принцип коллегиальности магистратов уже не исчезает из римской республиканской конституции. Найденный в структуре чрезвычайной власти механизм *par potestas* был использован в ординарной высшей магистратуре: в 449 г. до н. э., когда вторые децемвиры слагают полномочия, первоначальная претура с иерархией должностных лиц преобразуется в консулат с подлинной коллегиальностью. С 444 г. до н. э., кроме того, в качестве экстраординарной коллегиальной магистратуры функционирует также консульский трибунат. К 367 г. до н. э., к реформам Лициния-Секстия, механизм *par potestas* действовал уже свыше 80 лет и был достаточно отлаженным.

DIE ENTSTEHUNG DER KOLLEGIALITÄT DER RÖMISCHEN MAGISTRATE

V. V. Dement'eva

Der Aufsatz ist der Frage über die Zeit der Entstehung der Kollegialität in der römischen Magistraturen gewidmet. Die Autorin polemisiert mit dem Schluß, der in der neuen Werken von R. Bunse erhalten: „Die Kollegialität gehört nicht in die frührepublikanische Geschichte“.

Die Autorin behauptet folgendes: Die römische Kollegialität (*par potestas*), deren wesentlicher Inhalt *ius intercessionis* war, entstand im Jahre 451 v. Chr. Die erste Magistrate mit der *par potestas* waren *decemviri consulari imperio legibus scribundis*. Die Kollegialität wurde mit der Zulassung der Plebejer zum Oberbeamten verbunden. Die Autorin motiviert die paritätische Teilnahme der Plebejer und Patrizier im zweiten Kollegium der Dezemvirn.